

УДК 343.8

*Б.А. Спасенников, С.Б. Пономарев***ПРОБЛЕМА ВМЕНЯЕМОСТИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ XVI–XIX веков**

В статье рассмотрено развитие учения о вменяемости в отечественном уголовном праве в XVI–XIX веках.

Ключевые слова: уголовное право, криминальное поведение, психические расстройства, невменяемость.

Проблема вменяемости – одна из наименее изученных в отечественной уголовно-правовой науке. Ученые-правоведы не дают определения понятия вменяемости в своих трудах по уголовному праву. Уголовный кодекс России¹ до сих пор не содержит законодательного определения вменяемости, раскрывая лишь вторичное по отношению к ней понятие невменяемости.

Понятие вменяемости прошло два последовательных периода в истории права: первоначально «физического вменения», а позже «нравственного вменения». «Физическое вменение» (X–XIV вв.) устанавливало виновность и наказуемость деяний, совершенных «физическими силами лица, без исследования нравственной стороны преступления, без надлежащего решения вопроса о том, участвовала ли воля лица в совершении этого деяния, насколько она участвовала»², то есть уголовная ответственность была основана исключительно на физическом вменении. Физическое вменение являлось не только одним из значимых пунктов истории вменения вообще, но вместе с тем оно составляло важный «момент логического процесса его развития. Чтобы подойти к вменению нравственному, суд сначала должен установить вменение физическое; первоначально нужно решить вопрос о том, кто же был физическим виновником деяния, имеющего признаки преступления, а затем перейти к решению следующего вопроса о том, участвовала ли воля в совершении деяния, запрещенного под страхом уголовного наказания»³.

Позже физическое вменение было дополнено нравственным (XV–XVI вв.). Присоединился новый признак – отнесение действия на счет нравственной деятельности субъекта и вменение в вину тех действий, которые сопровождалось умышленным их «хотением» этого лица. При этом, естественно, вменяемость деяний сократилась. Становление в отечественном уголовном праве физического и нравственного вменения привело к тому, что многие общественно опасные деяния стали признаваться ненаказуемыми вследствие состояния невменяемости лиц, их совершивших.

Представление о сущности психических расстройств в те или иные историко-правовые периоды предопределяло существование зачастую противоположных уголовно-правовых норм по отношению к больным с психическими заболеваниями. Долгое время в психических болезнях видели гнев божий либо мучение человеческой души от совершенных грехов.

В XIV–XVI вв. различались три группы душевных болезней: а) определяющие отсутствие вменения (например, глубокое слабоумие лица, совершившего мелкое хищение); б) «богохульные», которые вменяемость не исключали, а напротив, предопределяли, так как симптомы психической болезни и признаки преступления совпадали. Например, «демонманы», страдающие галлюцинаторно-бредовыми психическими расстройствами с мистико-религиозным содержанием, подлежали наиболее устрашающим пыткам и мучительной казни; в) определяющие невменяемость при совершении мелких преступлений, но определяющие вменяемость в случае совершения преступлений против российского государства, самого государя и членов его семьи, иных должностных лиц, православия, а также других тяжких преступлений (отцеубийство и др.)⁴. К ним относилась, например, «падучая болезнь» (эпилепсия).

Позже (1649), в Соборном уложении («Новоуказных статьях о татьбах, разбойных и убийственных делах») царя Алексея Михайловича было сказано, что коли «бесный» причинит смерть, то он «не повинен есть в смерти»⁵ и не подлежит наказанию. Под «бесными», на наш взгляд, подразумева-

¹ См.: Федеральный закон «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Часть Общая. Киев, 1882. С. 386.

³ Там же.

⁴ См.: Таганцев Н.С. Курс Русского уголовного права. Часть Общая. СПб., 1880. С. 98.

⁵ См.: Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1832. Т. 15. С. 441.

лись не только «бесом одержимые» люди с религиозно-мистическими бредовыми идеями, но и иные психические больные.

Упоминание о невменяемости психически больного было и в отечественном законодательстве во второй половине XVII в.: «А кто юродивый от рождения есть <...>, помиловати подобает, токмо человеколюбия ради» (1667). Однако отечественная история XVIII в. приводит примеры наказания душевнобольных в виде лишения свободы, а подчас смертной казни. В 1671 г. был повешен по решению суда душевнобольной И. Клеопин. В 1697 г. был приговорен к наказанию кнутом О. Моисеев, несмотря на то что он был «в неуме, глух и нем, дураковат»⁶.

Первая известная судебно-психиатрическая экспертиза в отечественном уголовном судопроизводстве описана в 1690 г., когда освидетельствованию был подвергнут неизвестный, именуемый себя сыном Ивана Грозного⁷. В качестве экспертов-психиатров были приглашены три врача, выпускники медицинских факультетов европейских университетов, служившие при русском дворе.

Об уголовно-правовом значении психических расстройств упоминает и Артикул воинский 1716 г. Так, в толковании к артикулу 195 было указано, что «наказание воровства умягчается или даже весьма отстраняется, если кто <...> в лишении ума сие учинит»⁸. Однако по делу монаха Левина, бывшего офицера, который рассказывал в церкви и на базаре о пришествии антихриста и называл антихристом Петра I, виновного признали душевнобольным, так как о болезни свидетельствовало само преступление, но исполнили наказание в виде смертной казни (1722 г.)⁹.

Указ Александра I «О не придании суду поврежденных в уме людей и учинивших в сем состоянии смертоубийство» вышел 23 апреля 1801 г. В нем предусматривалось, что «удостоверять» больных следует через врачебную управу и полицию, а далее направлять их «в дома для безумных»¹⁰.

Понятие «невменяемость» появилось в отечественной юридической литературе в XIX в., но правоведа употребляли его в отношении самих деяний, а не в отношении лиц, их совершивших. Все противоправные деяния разделялись на вменяемые виновному лицу преступления и невменяемые психически больному деяния. Об этом, в частности, писал Г. Солнцев, автор курса «Российское уголовное право» (1820)¹¹.

В Своде законов уголовных 1832 г. предусматривалось, что деяние, «учиненное в безумии и сумасшествии, не вменяется в вину». Это положение относилось как к преступлениям против жизни, так и к другим, менее тяжким преступлениям (в Соборном уложении речь шла только о преступлении против жизни. – *Прим. авт.*). Под безумием (ст. 365 Свода законов изд. 1857 г.), вероятно, понималось слабоумие («отсутствие здравого рассудка с младенчества»). Сумасшествие (ст. 366) – безумие, происходящее от «случайных причин, которое составляет болезнь, доводящую иногда до бешенства». Таким образом, различие между безумием (слабоумием) и сумасшествием (психическим расстройством) определялось лишь временем их возникновения¹².

В Руководстве по уголовному праву 1841 г. понятие «состояние невменяемости» не упоминалось¹³.

В отечественном Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (ст. 95, 96, 97) и в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. (ст. 10), сформулировано невменение «преступления, совершенного сумасшедшим или безумным от рождения», если это лицо во время совершения преступного деяния не могло осознавать «противозаконность и само свойство своего деяния». Хронические психические заболевания и «врожденное слабоумие» предусматривались ст. 95; временные психические расстройства – ст. 96; психические расстройства хронического и временного характера при наличии такого психологического критерия, как «действие без надлежащего ра-

⁶ См.: Куванова Ю.А. Психическое расстройство, не исключающее вменяемости: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 28-29.

⁷ См.: Морозов Г.В., Лунц Д.Р., Фелинская Н.И. Основные этапы развития отечественной судебной психиатрии. М., 1976. С. 14.

⁸ Лунц Д.Р. Проблемы невменяемости в теории и практике судебной психиатрии. М., 1966. С. 27.

⁹ См.: Кистяковский А.Ф. Изсльдование о смертной казни. Киев, 1867. С. 103-104.

¹⁰ См.: Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. 25. С. 19846.

¹¹ См.: Солнцев Г. Российское уголовное право. Казань, 1820. С. 5.

¹² См.: Кистяковский А.Ф. Элементарный учебникъ общаго уголовного права. Часть Общая. Киев, 1882.

¹³ См.: Барышев С.И. Общия начала теории и законодательства о преступлениях и наказаниях. М., 1841. 230 с.

зумения» – ст. 97¹⁴. Также упоминались «припадки, приводящие в умоисступление и совершенное беспамятство» как причины, по которым совершенное деяние не вменялось субъекту, их совершившему. Согласно формулировке Уложения, в каждом случае полагалось доказывать, что лицо именно во время совершения деяния не могло «иметь понятия о противозаконности и о самом свойстве» своих действий. Таким образом, закон признавал возможность существования у лица, страдающего психическим расстройством, «светлых промежутков», во время которых оно было способно к осознанно-волевому поведению¹⁵. Это означает, что по закону недостаточно было, чтобы лицо было признано сумасшедшим, но требовалось, чтобы безумный во время совершения преступления не имел понятия о противозаконности своего действия.

Нормы уголовного права о невменяемости деяний, совершаемых душевнобольным, были сформулированы так, что они предусматривали не перечень различных родов психических расстройств («признаков и припадков»), а то положение, что психическое расстройство, «уничтожающее» в лице состояние вменяемости, служит основанием, исключающим наказуемость лица, совершившего деяние в этом состоянии. Общее положение заключалось в том, что преступление, учиненное сумасшедшим, не вменялось ему в вину в том случае, когда не оставалось сомнения, что лицо по своему состоянию во время совершения преступления не могло иметь понятия о противозаконности и о самом свойстве деяния.

Кассационный сенат требовал, чтобы при «новом преступлении, совершенном лицом, признанным ранее сумасшедшим, вопрос о невменяемости подобного преступления был возбужден вновь, независимо от прежнего освидетельствования». В воспоминаниях А.Ф. Кони приводятся примеры из судебной практики с середины XIX в.¹⁶

Основным критерием вменяемости разработчики Уложения назвали «познавательную способность», то есть уголовной ответственности подлежит то лицо, которое «разумеет свои действия и понимает их противозаконность и наказуемость»¹⁷, то есть они указывали на интеллектуальный признак психологического критерия вменяемости при отсутствии упоминания волевого признака.

В 1847 г. Г.Г. Блосфельд подготовил первое судебно-медицинское пособие для юристов. Он рассматривал вменяемость как «состояние человека, когда он подвергается ответственности перед законом за свои действия и поступки»¹⁸.

Н.С. Таганцев сформулировал, на наш взгляд, спорное определение понятий вменяемости и невменяемости. Он отождествлял вменяемость с дееспособностью, а невменяемость определял в виде «отрицательной стороны вменяемости», состояние, при котором «человек утрачивает свою способность ко вменению»¹⁹. Вместе с тем именно Н.С. Таганцев подготовил проект нового Уголовного уложения, принятого позже, уже в начале XX в. (1903). В проекте ст. 39 Уголовного уложения сказано: «Не вменяется в вину преступное деяние, учиненное лицом, которое во время его учинения не могло понимать свойство и значение совершенного или руководить поступками вследствие болезненного расстройства душевной деятельности, бессознательного состояния, или же умственного недоразвития, происшедшего от телесного недостатка или болезни»²⁰.

Итак, в российской науке уголовного права уже в конце XIX в. достаточно точно формулируется понятие состояния невменяемости. В нем есть интеллектуальный и волевой признаки психологического критерия («не мог понимать свойство и значение совершенного или руководить поступками»), медицинский критерий («болезненное расстройство душевной деятельности, бессознательное состояние, или же умственное недоразвитие, происшедшее от телесного недостатка или болезни»). Весьма важно указание на время (момент) совершения деяния, то есть присутствует временной критерий. Позже понимание состояния невменяемости продолжало развиваться.

¹⁴ Уголовные законы (XV том Свода законов) и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. М., 1876. С. 217.

¹⁵ См.: Спасенников Б.А. К вопросу о вменяемости подсудимого // Российский судья. 2013. № 4. С. 19-22.

¹⁶ См.: Кони А.Ф. За последние годы. СПб., 1896. С. 539.

¹⁷ Энциклопедический словарь / Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Репр. воспр. изд. 1890 г. [Б.М.]. М., 1994. Т. 12. С. 685.

¹⁸ Блосфельд Г.Г. Начертание судебной медицины для правоведов, приспособленное к академическим преподаваниям в Российских университетах. Казань, 1847. С. 150.

¹⁹ Таганцев Н.С. Курс Русского уголовного права. Часть Общая. СПб., 1880. С. 108.

²⁰ Спасенников Б.А. Уголовно-правовое значение психических расстройств // Медицинское право. 2015. № 2. С. 49-55.

Однако в российском законодательстве и науке уголовного права до сих не определено единообразное понятие вменяемости. В сравнительно-правовом аспекте укажем, что оно сформулировано в иностранном законодательстве. Под вменяемостью лица, достигшего возраста уголовной ответственности, понимается способность к осознанно-волевому поведению в момент совершения преступления²¹.

Поступила в редакцию 12.01.16

B.A. Spasennikov, S.B. Ponomarev

THE PROBLEM OF SANITY IN THE RUSSIAN CRIMINAL LAW OF XVI-XIX CENTURIES

The article deals with the development of the doctrine of sanity in the domestic criminal law of XVI-XIX centuries.

Keywords: criminal law, criminal behavior, mental disorder, insanity.

Спасенников Борис Аристархович,
доктор юридических наук, доктор медицинских наук,
профессор, главный научный сотрудник
НИИ ФСИН России
E-mail: borisspasennikov@yandex.ru

Пономарев Сергей Борисович,
доктор медицинских наук, профессор,
начальник филиала НИИ ФСИН России
E-mail: filialniifsin@mail.ru

ФКУ НИИ ФСИН России
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, 15а

Spasennikov B.A.,
Doctor of Law, Professor, Doctor of Medicine,
Professor, Chief Researcher
E-mail: borisspasennikov@yandex.ru

Ponomarev S.B.,
Doctor of Medicine, Professor,
Chief of branch of Institute
E-mail: filialniifsin@mail.ru

Research Institute of the Federal Penitentiary Service
of Russia
Narvskaya st., 15a, Moscow, Russia, 125130

²¹ Codice penale. Napoli. 2012; Официальный монитор Республики Молдова, № 72-74, 14 апреля 2009 года. Ст. 195; Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан. 1996. № 9. Ст. 144; O'zbekiston Respublikasi jinoiy qonunchiligi. Vixogo. 2010; Уголовный кодекс Украины: Научно-практический комментарий. Харьков, 2011. С. 54.